

Введение

Я много лет считал себя профессиональным психологом и вдруг недавно вспомнил, что когда-то, когда впервые задумал избрать психологию своей профессией, я, оказывается, надеялся, что она поможет мне познать себя.

Я тогда учился на историческом факультете университета, и у нас читали довольно внушительные курсы общей, возрастной и педагогической психологии, потому что мы должны были стать преподавателями. А я вдруг решил сменить профессию, нашел научного руководителя и даже начал собирать материалы для кандидатской диссертации. Мне было двадцать лет...

Я не сделал тогда диссертацию. Не сделал, потому что затосковал. И многие годы после этого считал, что психология — это очень скучно. Но недавно я все вспомнил. Я не смог писать выбранную для меня руководителем тему, потому что она ничего не давала для самопознания. Хуже того, ни одна из предложенных мне тем не вела к самопознанию!

И вот, будучи уже профессионалом в психологии, имея теоретические работы, проведя много лет в полевых этнопсихологических экспедициях и после двенадцати лет ведения по всей России собственных семинаров по прикладной психологии, я задался вопросом: а действительно, есть ли в нашей науке хоть что-то, о чем мы мечтали, выбирая ее в юности? Возможно ли использовать психологию для познания себя? Для раскрытия своих способностей, для овладения жизненной мудростью и управления окружающей жизнью?

Психологам нравится поучать других людей. Это признак того, что в общественном мнении психология — это наука о том, как жить лучше, а психолог — это мудрый человек, который умеет разрешать, как говорится, «психологические» задачи. Но это мнение. Что-то я не встречал психологов, у кого все было бы хорошо в быту да еще и соответствовало их науке. Чего уж врать

себе — мы, психологи, только пользуемся этим мнением, но на деле ему не соответствуем.

Точнее, мы можем только то, что называется наукой. Вот ее-то мы и делаем всю жизнь, или всю жизнь ею прикрываемся. Ну, а что касается психологии...ах, отстаньте, вы используете этот термин в бытовом значении!

Раз заболев этим вопросом, я умудрился пересмотреть чуть не всю мировую психологию, насколько мне были доступны изданные материалы. А они сейчас стали очень доступны. И пришел к любопытному выводу. Я — не есть предмет научной психологии. Даже так называемая гуманистическая психология изучает не я, а человека.

И если где-то и удалось мне разыскать начатки психологии самопознания, так это только в таком умершем почти век назад направлении нашей науки, как Субъективная психология. Я попробовал найти хоть что-то из современных работ, посвященное ей, и налетел на то, что братья по профессии этой теме избегают, точно стыдятся. Тогда я начал поднимать источники и понял, что стыдиться действительно есть чего. Современная психология в долгу перед той наукой.

И если быть честным, мне современная психология напоминает Медею — когда-то почти богиню, но в погоне за человеческим счастьем утратившую все, что было дорого, и даже убившую собственных детей. Безумная волшебница, потерявшая себя...

Поэтому я решил написать своего рода очерки истории Субъективной психологии. Мне это тем ближе, что я все-таки историк. Но при этом я хотел сделать их своего рода Введением в науку Самопознания, чтобы не терять своей Мечты. Науку одновременно древнюю и совсем новую, как выяснилось. Тысячелетиями говоря о необходимости самопознания, человечество, оказывается, до сих пор не удосужилось создать такой науки.

Писать что-то не по сложившимся образцам очень трудно. Понятия науки Самопознания не определены, а подходы явно должны отличаться от всех остальных наук, хотя бы потому, что предмет ее не может быть определен изначально, поскольку являет-

ся окончательной целью всех исследований. К тому же невозможно просто использовать то, что сделал кто-то до тебя. Наука Самопознания произвольно превращается в личное самопознание каждого. Или же исчезает, прячется, к примеру, в науке о науке самопознания, либо в истории наук о самопознании...

Ну что же, даже если мои вариации на темы самопознания в Субъективной психологии пока не обрели необходимой гармонии, я намерен не останавливаться и идти дальше — и в познании себя и в создании науки, которая, продолжив эти очерки, позволила бы родиться настоящей науке Самопознания. А вот для такого движения мои этюды будут полезны. И не только мне.

РАЗДЕЛ I
ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ,
а точнее,
Цель и Мечта исследования

Глава 1. С чем сталкивается человек, пришедший в самопознание	9
Глава 2. Задача этой книги.....	22
Глава 3. Испытание наукой	29
Глава 4. Психология и самопознание.....	33
Глава 5. Очарование Психологии и разочарованные психологи	43

Глава 1. С чем сталкивается человек, пришедший в самопознание

Думаю, что любой, даже давно идущий путем самопознания, может представить себе состояние человека, который вдруг решил начать самопознание. Я лично вижу такой пространственный образ: вот есть я, а вокруг меня множество воспоминаний моей прошлой и настоящей жизни. Там мне все понятно и ясно. Или почти ясно. Но вот прямо передо мной сейчас начинается какое-то темное пространство с названием «самопознание». Оно как вход в лабиринт, и я о нем ничего не знаю. Или почти ничего...

А что, собственно говоря, знает начинающий о самопознании? Я задаюсь этим вопросом, прежде чем сделать шаг вперед, в темноту. И память начинает доставать какие-то знания. Откуда они? Явно из той культуры, которая меня воспитывала, из прочитанных книг и от других людей.

Не знаю, как другие, но я точно знаю, что с «Познай себя» начиналась вся греческая философия. И я тут же делаю из этого вывод, что, наверное, и вся европейская философия считает это требование своим корнем и источником. Значит, чтобы двигаться дальше по этому пути, мне нужно будет полистать книги по **философии**.

Далее, **психология**, наука о душе или психике, то есть проявлениях Психе, той же души. Моей души. Эта наука не может не быть подспорьем в самопознании. И там я определенно что-то найду для себя.

Кроме того, **Восток**. Восток и современные западные учения, вытекающие из восточной мудрости, называемые **эзотерикой**. Вокруг просто моря различных эзотерических школ, которые говорят о самопознании на своих афишах и обложках книг.

Уж не знаю, есть ли какое-то самопознание в христианстве и других **религиях**, но и того, что перечислено, более чем достаточно для начала.

Вот примерно с такого образа начинал свое самопознание я сам и считаю его исходным для нашего разговора. По большому счету, он очень точно отражает действительность и в то же время почти ей не соответствует.

Начнем с *философии*. Европейская философия начинается вроде как бы не с этой дельфийской надписи «Познай самого себя». Первые полтора-два века ее существования посвящены натурфилософии, то есть попыткам мудрецов понять устройство мира или природы. По-настоящему эти слова мудреца Хилона (а может быть, и кого-то другого) стали содержанием философии только у *Сократа*. Но дело в том, что все предыдущие философские размышления греков до нас не дошли или дошли в таком рваном виде, что из этих фрагментов можно придумать любую философию, кроме той, что действительно была у ее создателя.

И только сократическая философия, благодаря записям учеников — Платона и Ксенофонта, — дошла до нас в таком виде, что мы можем ее по-настоящему понимать и использовать. Поскольку она целиком посвящена самопознанию, то можно уверенно сказать, что Европейская философия выросла из самопознания, как его видели Сократ и Платон. Во всяком случае, ничто в ней не свободно от этого корня, и вся философия в самом широком смысле есть наука самопознания. Если не считать той философии, которая есть наука познания мира без человека!

И как это ни странно, но та ветвь философии, назову ее древним именем натурфилософии, на протяжении тысячелетий пытается уничтожить философию самопознания, как когда-то афинские демократы уничтожили ее создателя Сократа.

Как это ни дико прозвучит, но убийство Сократа каким-то образом легло неизбывным проклятием на души демократов всех веков и народов. Демократы, революционные демократы и просто революционеры, провозглашающие своей целью счастье народа, на протяжении тысячелетий оказывались врагами самопознания.

Психологически это, безусловно, объясняется тем, что демократия — *власть народа* — есть власть объединенной в стаю толпы. Самопознание же есть движение из толпы к себе. Философски такое направление мысли, — а точнее, тока внимания, — называется Субъективизмом. С точки зрения борьбы за власть, разницы никакой — хоть самопознание, хоть Субъективизм. Иными словами, демократ, как борец за власть, должен уничтожать все препятствия, мешающие этой власти стать абсолютной, то есть захватывающей всех, до последнего человека. Самопознание же ведет к тому, что человек оказывается в собственной власти,

имеет свое мнение и разумно выбирает, подчиняться другим или идти своим путем. Чем оно лучше Субъективизма, направленного из общего в субъект, в личность?!

Исторически же политическая борьба афинской демократии с Сократом, можно сказать, совпала и наложилась на философскую борьбу отца науки Аристотеля со своим учителем Платоном, благодаря которому мы и знаем, что такое самопознание у Сократа.

Слава Платона настолько не давала Аристотелю покоя, что все его творчество превратилось в борьбу с учителем. И он всюду постарался его превзойти и поставить свою метку выше. Платон мне друг, но истина дороже! Истины Аристотель не нашел, но **идеализм** — тогда еще просто учение Платона об идеях — превратил в **объект** для преследования на тысячелетия. Из этой травли родилась вся объективная наука, разговора о которой в такой «субъективной» книге, как «Самопознание и Субъективная психология», нам не избежать.

Почему? Потому, что **Объективная Наука** — это сложное явление, состоящее частично из правил и договоров, а частично из людей и сообществ демократического толка, которое не признает права человека говорить о том, что истинно для него, и требует «объективной истины» — то есть истины, могущей быть объектом преследования для других. Это внешне.

А внутренне, если исследовать психологические мотивы поведения, задача объективной науки, а значит, «объективного ученого», — спрятать за «объектом» лично себя, того, кого могут затравить и убить. Объект же — это мираж, иллюзия, которую ученый подсовывает ИМ, чтобы отвлечь внимание от СЕБЯ и хоть как-то выжить в мире, где высунувшегося, иначе говоря, *не такого, как все*, — принято убивать. Или съедать... Ведь вам наверняка приходилось слыживать, как возвратившийся с очередного «производственного совещания» ученый или управленец вздыхал, ковыряя спичкой в зубах: Вот еще одного хорошего человека съели... Не приходилось? Не слыживали? А съедать?..

Наука, особенно Объективная Наука после Аристотеля, сроднилась с Демократией и стала историческим врагом Самопознания, потому что приравнивает его к Идеализму и Субъективизму. Впрочем, все, что связано с Платоном как врагом Аристотеля, перенеслось и на Сократа. Идеализм и Субъективизм — это

один духовный лагерь, а то, что связано с Аристотелем и Демократией — другой. И между ними до сих пор идет борьба не на жизнь, а на смерть, точно за этими словами скрываются какие-то неизмеримо большие, пожалуй, космические сущности, Боги, которые ведут давнюю и непримиримую борьбу, пользуясь нашими телами и умами...

Как высвободиться и из этой ловушки? Как перестать быть слепым орудием в руках Богов? Как обрести себя и не зависеть от чужой воли? У меня есть лишь одно орудие — Разум, способность думать. И я думаю.

Я не идеалист. Я даже не знаю, что это такое. И я не материалист. Для меня, как для прикладного психолога, материализм, объективная наука — не более чем попытка самообмана, затянувшаяся на тысячелетия. И не в том смысле, что Идеализм — это верно, а Материализм и объективность — ложно. Кто их знает без полноценного исследования, кто прав, а кто нет. Эти Боги никогда не были с нами честными. Им было достаточно того, чтобы мы повторяли их слова наизусть, а не понимали их.

Поэтому я не берусь судить о словах Богов, то есть об этих философиях. Это мне недоступно. Я говорю не о понятиях или подходах, а о том, что мне, человеку, доступно — о личностных, значит, человеческих установках тех, кто их исповедует. Когда личность заявляет, что она исповедует Идеализм или Материализм, можно это принять, а можно задать вопрос: а зачем это тебе? Зачем это *лично* тебе? И тогда можно получить ответ. От человека, хотя бы лично от себя, все-таки можно получить ответ на любой вопрос. Пусть это не просто, но есть хотя бы надежда...

Кстати, в мире не было людей, исповедавших Идеализм. Платон не был идеалистом, он просто описывал мир идей и эйдосов, как видел. Само понятие «идеалист», рождается уже в новое время. Но те, кого обвиняли в идеализме в позапрошлом и прошлом веках, сами себя идеалистами не считали и не называли. Это очень разные мыслители, которых подвели под одну гребенку их враги. И значит, Идеализма в мире не было, но слово «идеализм» живет. Зачем? Ответ прост: этот ярлык нужен для уничтожения инакомыслящих, для затравливания таких, кто не как все. Кто высунулся. Причем, что самое страшное, для затравливания именно научного! Политики затравливают совсем

под другим соусом.

И опять же, как для психолога, для меня это означает, что травля инакомыслящих не просто существует в науке. Она является психологической, если только не биологической потребностью и сообщества целиком и его членов в отдельности. Эту потребность надо бы изучать и лечить, но она считается неприличной, как венерическая болезнь, и ее веками замалчивают и лечат лишь презрением и стыдливым отведением глаз. А в итоге яд — а чем еще можно травить, как не ядом? — пронизывает все труды научного сообщества. Причем, у «худших» — в виде этой самой травли, а у «лучших» в виде подчеркнутой отстраненности от подобных вещей. Так сказать, я человек чистой науки! Подчеркнутое стремление не запачкаться говорит о том, что ты очень хорошо знаешь, что такое грязь, и вообще живешь посреди грязи. Иначе говоря, научное чистоплюйство свидетельствует о болезни не меньше, чем яд и травля.

Для нас же с вами это все означает лишь то, что при чтении любых научных работ придется постоянно быть настороже и тратить кучу сил на очищение поиска истины от яда политической науки или чистоты чистой науки. *Объективным ученым почему-то кажется, что уход в объективность — это освобождение от субъективности. И мало кто из них замечал, что это добавление к своей личности, то есть к субъекту, еще нескольких черт и установок.*

Это всегда: я не верю себе и не верю другим, поэтому я восприму плюс к своему разуму еще и научный метод, и критический метод, и исторический метод, и...

Объективная наука, когда глядишь на нее не как на тома книг или знания по определенным темам, а как на людей, которые избрали быть объективными учеными, — это личностный выбор. Это всегда личный выбор! И он всегда имеет отношение к поиску истины. Но истина — это итог поиска, а не твоя собственность до его начала. Ты ни о чем не можешь судить, пока не нашел ее! Иногда истина требует, чтобы ты показал ее отстраненно, так, чтобы каждый независимо от тебя увидел то же самое. А иногда истина заставляет тебя искренне сказать что-то лично от себя. И тогда объективный ученый делает выбор и отмежевывается от такой истины, как будто он уже заранее знает, что истинно. Объективный ученый может, но не имеет права знать какую-то истину для себя, а не для других! И это

выбор вроде партийного.

Наука — это вообще сообщество. Сообщество людей, живущих за счет своего дела, которое уже давно перестало быть просто поиском истины и стало средством зарабатывания на жизнь, кормушкой. Человек, приходящий в науку ради истины, — это идеалист! Над ним посмеиваются.

Наука как сообщество жестко и очень болезненно регулирует поведение своих членов и даже их мысли. И ты все время стоишь перед выбором: хорошо и спокойно жить или искать истину. И ты отводишь людям глаза, обманываешь тех, кто может начать тебя травить, и притворяешься таким же как все — объективным ученым. Это обман. Но это не самое страшное. Страшнее то, что с годами это становится привычным самообманом. И ты перестаешь его замечать.

Самообман или самопознание? Вот это противостояние гораздо глубже противостояния Идеализма и Материализма или объективной науки. Это противостояние подлинное. Потому что оно не придумано, как политический лозунг, а отражает человеческую природу, самую суть человеческой психологии. И делит мир не на лагеря или сообщества, а на направления. Направления движения и направления жизни.

Когда «Слово о полку Игореве» говорит о том, что времена обратились наничь, оно как раз и говорит о том, что ток жизни русского народа потек от жизни к смерти, и мы имеем медленное умирание. И это в точности соответствует направлению к себе или от себя, направлению в ад или в рай...

Как бы там ни было, но надежды на помощь у начинающего будут распределены между академической наукой (философией и психологией) и самостийными учителями из числа эзотерических мастеров. Ничего другого в современном мире нет.

Конечно, есть еще **Религии**. Они очень много занимались самопознанием, но от них остались лишь церкви. А церкви самопознание тоже не поощряют, потому что они, как любые сообщества и учреждения, заинтересованы в том, чтобы их стада не разбрелись и плодоносили в церковном загоне. Так что даже изучение религиозного самопознания окажется сугубо вашим личным делом, которое, скорее всего, не будет одобрено

церковью. Идя религиозным путем, вы все равно будете, скорее, заниматься наукой о религиозном самопознании, чем какой-то церковной дисциплиной.

Итак, остается наука. Как это ни дико прозвучит, но ни в философии, ни в психологии, точнее, в доступных для новичка книгах, самопознания не будет. Его, кстати, нет и в библиографических каталогах основных библиотек России. Я нисколько не преувеличиваю, говоря о научной травле объекта самопознания. Даже в словарях и энциклопедиях чаще всего отсутствует такой раздел как «самопознание». И в русских, и в зарубежных тоже. Посмотрите, к примеру, Американское Пингвиновское издание «Большой толковый словарь» Ребера по психологии или новейшую нашу четырехтомную «Новую философскую энциклопедию», изданную Российской Академией наук. Соответственно, нет таких разделов и в современных учебниках психологии и философии.

Как это получилось? Я уже говорил. И повторю: это итог многовековой политической борьбы Древних Богов в обществе вообще и внутри научного сообщества в частности. А чтобы не быть голословным, я приведу выдержку из «Краткого философского словаря» той поры, когда еще никто не сомневался, что философия — это политика. Этот словарь писался при жизни Сталина, а издан в 1954 году, то есть уже после его смерти. Как вы понимаете, это означает, что его подход к философии, как инерция, на долгие годы и даже десятилетия определил мировоззрение всех ученых-общественников Советского Союза.

Этот Философский словарь не содержит ни раздела «самопознание», ни раздела «самонаблюдение» или «интроспекция». Зато некоторые другие разделы чрезвычайно красноречивы. Например, раздел «Сократ»:

«Сократ (469–399 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, выступивший против материализма, естественно-научного знания и безбожия с проповедью религиозно-нравственного учения. Группировавшийся вокруг Сократа кружок был центром политической и идеологической борьбы против афинской демократии. В кружок входили представители аристократии: Платон, Критий, ставший после поражения демократии во главе 30 олигархов в Афинах, и антипатриоты, изменники родины — Алкивиад и Ксенофонт.

Спустя некоторое время после победы реакции демократическое правление было восстановлено, и Сократ за свою враждебную народу деятельность был присужден к смерти.

Сократ не оставил после себя письменных трудов, он всегда выступал устно, но его учение стало широко известно и дошло до наших дней благодаря сочинениям Платона, Ксенофонта и Аристофана, воспроизводивших сократовские высказывания. Цель философии, по Сократу, — научить людей добродетельной жизни. Осуществлению этой практической задачи должно предшествовать познание всеобщих этических норм, всеобщего блага, так как, по мнению Сократа, добродетель и знание — одно и то же.

Источником этого познания является самопознание, начинающееся с сомнения в своих знаниях.

<...>

Сократ отвергал познание природы, считал, что человеку не дано ее постигнуть. Он проповедовал грубый телеологизм» (Краткий философский словарь).

Так и хочется добавить: и вообще был плохим человеком. Расстреляйте его еще раз, пожалуйста, если не трудно!..

Вот это и есть корень отношения к самопознанию всей советской гуманитарной науки второй половины двадцатого века. Психологические и философские труды, которые высказывают собственное мнение о самопознании, начинают появляться лишь к концу века.

Кстати, выражение «Сократ за свою враждебную народу деятельность был присужден к смерти» — ничего не напоминает? Например, сфальсифицированные судебные процессы 1937–1939 годов? Я приведу несколько строчек из книги государственного обвинителя и прокурора СССР А. Вышинского «Некоторые методы вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков», 1937 года издания. Приведу затем, чтобы вы почувствовали, насколько тон и язык этих двух идеологических документов схож и насколько оправданно употреблять выражение «политические споры в науке».

«Одним из средств ликвидации политической беспечности является правильное и ясное представление о задачах и целях троцкистских, правых и иных преступных организаций, групп и группок, о тех

методах, способах и приемах, при помощи которых троцкистские и им подобные бандиты пытаются осуществить свои преступные замыслы.

Поэтому товарищ Сталин указал на необходимость

“разъяснять нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов”.

Это указание имеет исключительно важное значение в деле правильной и успешной организации борьбы с кознями врагов народа — вредителей и диверсантов, каким бы флагом они ни маскировались — троцкистским или бухаринским» (Вышинский, с. 15).

Или сократовским? И уж не дай бог платоновским, что означает одновременно аристократическим и идеалистическим! Идеализм при победившем Коммунизме преследовался и изгонялся из науки насмерть, потому что было заявлено, что марксистская наука — самая материалистическая наука в мире. Старшее поколение еще помнит это.

К примеру, про умудрившихся попасть под перо лично Ленину Эрнста Маха и Рихарда Авенариуса все большевики, партийные и беспартийные, наизусть знали, что они плохие люди, потому что это кратко, но жестко пропечатали в знаменитом сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)». И сказано у Ленина, а потом в «Кратком курсе» предельно понятно даже для особо тупого ученого, если он хочет жить и работать в одном из научных сообществ Советского Союза:

«Вся школа Маха и Авенариуса идет к идеализму.

Наши махисты все увязли в идеализме.

За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества» (История ВКП(б). Краткий курс, с. 99).

Ленин написал эти слова в 1909 году, но «современность» дилась для них до конца коммунистического общества. А это значит, что вся современная русская философская и психологическая мысль вышла из той среды, где прекрасно понимали, что занимаются политической борьбой и являются идеологическим оружием государства. Так что не верьте, что самопознание изгнано из философии и психологии случайно. Оно изгонялось продуманно и должно быть восстановлено в своих правах вместе с Идеализмом, как жертвы сталинских и ленинских репрессий. Даже если Идеализм — это плохой Бог, справедливость требует сначала вернуть невинно осужденному его права, в первую очередь, право голоса, а потом выяснить, совершал ли он те деяния, в которых его обвиняют.

Моя шутка была бы просто шуткой, если бы я говорил о коммунистическом обществе и о его науке. Но я, и это страшно, говорю не об истории. Я говорю об устройстве самого Научного сообщества безотносительно к странам или эпохам. Как это ни неожиданно прозвучит, но мировое научное сообщество все устроено по образцу политических партий. И ни в одной стране мира оно не позволяет искателям истины забывать о политических интересах той среды, которая их приняла в себя. И это не просто слова.

У современного научного сообщества, Науки, есть своя история, начинающаяся с Галилея и Декарта. Но ярче всего его сущность видна в Великой французской революции, ну а потом в Великой Октябрьской, когда научное сообщество откровенно стремилось к захвату государственной власти и устраняло своих конкурентов — особенно такую опору государства, как религия. К стати, всегда опираясь на люмпенов, то есть воров и бандитов. Так что Соловки и весь Гулаг, о котором так много вопили борцы за демократию и интеллигенты, был естественным завершением мировой научной революции. Так сказать, родным домом, где братья единились вновь возле отцовского стола. Знать бы еще, что за отец породил эти общественные явления...

Но эта тема уводит нас в сторону от собственно науки самопознания, и поэтому я не буду сейчас останавливаться на ней подробно. Об этом немало сказано, да и я уже писал во «Введении в общую культурно-историческую психологию». Сейчас

мне важно донести лишь ту мысль, что, обращаясь за знаниями и помощью в своих личных поисках к науке, человек, ищущий себя, должен понимать, что он идет не туда, где ищут истину. Это лишь вывеска, часть идеологического имиджа. На самом деле Наука как сообщество — это часть государственной машины, отрабатывающая свой хлеб вполне определенным служением. Иначе говоря, официальная наука заинтересована в том, что выгодно государству, и никак не заинтересована в том, что выгодно лично тебе.

Правда, при этом Наука как сообщество состоит из отдельных людей, ученых. И многие из них время от времени оказываются неуправляемыми и, закусив удила, летят, куда позвала истина. Их, конечно, быстренько отлавливают, порют и ставят в стойло, к кормушке, но их бунтарские творения сохраняются. Пусть осуждаемые общественным научным мнением, но зато полезные для мечущейся и ищущей человеческой души. И это значит, что среди книг, написанных людьми науки, могут быть и полезные в самопознании.

Да, это определено так, но тут тоже есть свои «но». Эта условно «подпольная наука» в Науке, наука, написанная для души, на самом деле — иная, теневая наука, наука, которой официально нет. И в этом ее сложности. Во-первых, такие сочинения еще надо уметь найти в море официозных изданий. Во-вторых, — и это хоть и печально, но соответствует действительности, — наука для души не имеет той методологической школы, что официальная наука. Иначе говоря, сочинения, написанные «подпольно», слабее официальных. Почему? Потому что наука для души, как и любая научная дисциплина, должна иметь свою школу с отточенными инструментами исследования. Однако, не имея возможности заявиться как самостоятельная наука, не имея возможности вести обсуждение своих целей, задач и методов, она и не могла полноценно взрастить себя.

Поэтому, налетая на работы людей от науки, посвященные самопознанию, поражаешься их слабости и невнятности. Первое время я даже подозревал их авторов в шарлатанстве и откровенном использовании рыночно выгодных тем для легкой наживы — самопознание сейчас явно имеет большой и растущий рынок. Причем, иногда такие книги пишут академики, иногда рядовые ученые.

Я не стал упоминать эти сочинения в моей книге, потому что им должно быть посвящено отдельное исследование. У меня даже были написаны главы с разбором таких работ, но я их убрал. Упоминать их — значит, критиковать, и критиковать убийственно. Но этого я как раз и не хочу, потому что в целом именно эти люди составляют ту научную среду, которая становится телом нового сообщества — рождающейся науки самопознания. Они сделали очень важное дело: они заявили новую науку. Пусть еще не очень научно заявили, порой просто слабо и уязвимо. Но они не молчали, не шли на поводу и не удовлетворялись пойлом из общей кормушки. И второе «за» этих людей. Их, на мой взгляд, очень слабые сочинения на тему самопознания соседствовали с другими их работами. Иногда даже в одной книге. И эти другие работы — вполне научные в обычном смысле слова — были хорошего научного уровня. Это значит, что вопрос не в дееспособности, а в неумении говорить на темы новой науки с прежним качеством. И значит, если наука самопознания состоится, эти ученые однажды напишут настоящие научные исследования самопознания. Так что они вполне заслуживают и уважения и благодарности.

Но начинающему самопознанию от этого не легче. Он должен отчетливо видеть, что большинство тех работ о самопознании, что он сумеет разыскать среди научных сочинений, способны будут зажечь его интерес к самопознанию, но никак не помогут в нем. Что же делать?

Остается еще прикладное самопознание, которое ведется в различных группах и школах **эзотерики**. Но и здесь не легче. Берешь, к примеру, книгу представителя Всемирного Белого Братства Микаэля Айванхова «Познай себя. Джнана-йога» и не обнаруживаешь там ничего, что можно было бы считать прямым разговором о самопознании и уж тем более школой самопознания. Хватаешься ли за книги «Четвертого пути» гюрджиевца Бертона или за различные йоги Рамачараки или Шивананды — и опять ничего, кроме самых общих, хотя и путаных, рассуждений. Но при этом, если ты действительно настроен познать себя, у Айванхова ли, Гюрджиева, Раджниша, Ауробиндо и прочих, прочих и прочих учителей человечества нет ничего, кроме самопознания. Только его еще надо уметь оттуда извлекать.

Как этому научиться? Желаящий заглянуть за корку такой книги ищет соответствующую группу или школу и пытается познать привлекшее его учение в живой передаче через людей. Вначале это его захватывает и покоряет, потому что во всех таких эзотерических школах и группах царит любовно-духовное очарование. Но проходят месяцы или годы, и ты вдруг замечаешь, что за лакированным фасадом творятся какие-то делишки, которые «продвинутые учителя» почему-то скрывают от простых учеников. Замечаешь и то, что эзотерики сдержанны, а сквозь сдержанность прорывается раздражение и ненависть. А действия их выказывают не совсем те цели, которые заявлены.

Я не склонен осуждать учителей эзотерического толка за то, что они яростны, невняты или зарабатывают деньги. Это естественно, потому что соответствует нашему миру. Но если я пришел к ним за истиной, то единственный путь не туда — это ложь. А они врут. Во всех эзотерических школах, где мне довелось побывать, так или иначе меня пытались обмануть, подсунуть что-то более красивое, чем действительность. Я, честно признаться, все еще ищу, я не сдался...и может быть, вам повезет больше, и вы сразу попадете в правильную школу. Но мой жизненный опыт показывает, что большинство читающих мою книгу вынуждено будет изрядно попутешествовать по эзотерическому миру, пока найдет что-то настоящее. Если вообще найдет...

Для действительно решившего познать себя вообще в жизни нет ничего, кроме самопознания. И поэтому для такого человека самопознание идет и в хатха-йоге, и кастанедовских тенсегритах, в ушу, цигун, искусстве, литературе, просто общении с любым живым существом или природой... Я, честно говоря, попробовал все это и знаю, что это действительно так, на собственной шкуре. Но именно потому, что я это знаю, я исключаю большую часть подобных дисциплин из рассмотрения в этой книге. Познавать себя можно как угодно, лишь бы были умения и действительное желание.

Так вот, в этом смысле найти эзотерическую школу самопознания почти невозможно, хотя слов о самопознании написано очень много. Так много, что человеку, медленно прорабатывающему новое, можно в них утонуть. В этом тоже есть свой смысл, причем немалый: пока не созреешь, к следующей ступени своего развития все равно не перейдешь. Так что каждому свое. Но для

тех, кто определенно пришел к самопознанию, это свое тоже должно быть.

Вот с этими тремя мирами — науки, религии и эзотерики — неизбежно сталкивается человек в поисках себя как с современной культурой самопознания. Эту культуру можно уподобить пене, которая скрывает нечто истинное. Но для того, чтобы скрывать, истинное должно быть. Рано или поздно ты устаешь фильтровать сквозь себя пену и начинаешь выбирать из нее крупички истинного. И они там обязательно находятся. Чаще всего ими оказываются действительно глубокие сочинения, которые мы можем назвать философскими. И это вовсе не обязательно сочинения древних, хотя древность является определенной показателем качества, хотя бы потому, что пена недолговечна.

Но гораздо важнее то, что количество труда однажды переходит в качество, и это качество оказывается неким «физиологическим» или «анатомическим» превращением, свершающимся в тебе самом. У тебя словно бы прорезаются жабры для дыхания в этой новой среде. И эти жабры и начинают извлекать крупички полезного из тех самых текстов, которые ты только что бездарно процеживал сквозь себя. По сути, это признак рождения в твоём разуме нового слоя понятий. На другом языке это можно назвать **обретением культуры самопознания**, которое совпадает с рождением мудрости или любви к ней. Отсюда и поиск философских работ среди массы написанного.

Все, что написано мною дальше — это как раз пример более или менее удачной попытки обрести такую культуру и научиться слышать то, что кричали и шептали мне о самопознании те люди, которых я читал и слушал столько лет, наивно считая их всего лишь психологами...

Но сначала о той задаче, которую вынужден будет поставить любой избравший заняться познанием себя, а также о той задаче, которую я ставлю перед этой книгой.

Глава 2. Задача этой книги

Повторю еще раз: моя задача — познать себя. Но почему я пишу книгу? Я задаюсь этим вопросом и чувствую, что это не каприз, не прихоть. Книгу мне написать нужно. И именно для самопознания. Почему?

С одной стороны, само написание книги, необходимая для нее проработка материалов, продумывание их и сравнение между собой позволяют не пропустить чего-то уже найденного другими и облегчают работу. К тому же явно увеличивается глубина работы над собой. Описав ту или иную школу самопознания, ты уже не можешь изобразить дурака, который чего-то не знал, а потому и не делал. Или делал плохо. Иными словами, написанием такой книги я задаю сам себе предельные требования, ниже которых будет не самопознание, а обман. Кстати, как задаю эти требования и тем, кто попытается прочитать ее предельно искренне.

С другой стороны, если моя книга оказывается понята и принята людьми, вокруг нее родится сообщество. Причем сообщество не просто единомышленников, а моих помощников. Помощников не в том смысле этого слова, который используется обычно. Не в смысле подчинения или управления. Я надеюсь, что появятся те, кто сможет мне помочь, когда я в этой помощи буду нуждаться. Иначе говоря, эта книга поможет мне найти людей с нужными способностями, желательно, более высокими, чем у меня.

Вот это и определяет требования к книге. С одной стороны, она должна вывести меня за предел доступного мне до ее написания.

С другой, она должна позволить желающим лучше освоить то же самое искусство и сделать их профессионалами, чьей помощью смогу воспользоваться и я.

Кроме того, она сделает меня заметным и позволит встретиться с теми, у кого я смогу учиться дальше.

Если же и другие люди будут ощущать, что и книга, и родившееся вокруг нее сообщество им полезны, я буду рад, потому что так мне будет легче жить.

Именно последнее рассуждение определяет, какой должна быть эта книга. Иначе говоря, лично для меня было бы достаточно написать исповедь или дневник, в котором я записал бы свои раздумья по поводу самопознания вообще и самопознания другими людьми. Но если я рассчитываю на помощь тех, кто прочтет эту книгу, мне придется написать ее каким-то особым образом. Каким?

Ясно, что не таким, как если бы я писал только для себя. Это исходная мысль. Следующая тоже очевидна: написать надо так,

чтобы это лучшим образом решило поставленную мною задачу — подготовило мне помощников и соратников. А из числа кого?

Всущности, на ту роль могут подойти только два вида людей: те, кто уже имеет опыт самопознания, и те, кто начинает его с моей книги. Значит, для новичков она должна стать полноценным учебником, а для имеющих опыт — возможностью договориться о мировоззрении. Иными словами, она должна стать договором или согласием единомышленников по насущным вопросам теории и практики самопознания.

Следовательно, моя книга (или книги) должна одновременно и обучать и вести самый искренний душевный разговор на волнующие меня темы.

Вопрос мировоззрения я решаю исповедальностью моего литературного подхода к тому, что пишу. Я искренен в том, что пишу, настолько, насколько я вообще естественно способен на этом отрезке моей жизни, где я считаю себя психологом и исследователем. И если я чего-то и недосказываю, то только потому, что оно должно быть сказано в соответствующем месте. Благодаря этому все мои рассуждения стремятся обрести силу беспристрастного описания действительности.

Беспристрастное не значит точное. Я могу ошибаться в своих рассуждениях, но это будет искажением действительности, а не ложью. Для исследования это будет означать, что любой, чье видение в этом вопросе чище моего, может исправить мою ошибку. Я же, благодаря такой подсказке, смогу задать себе вопрос: что исказило мое восприятие? И, отвечая на него, приду к поиску психологических корней моей ошибки, затем к их устранению и с тем к очищению сознания. А через все это к еще большему познанию себя. Вот за этим мне и нужны те, кого я называю помощниками.

Как видите, с той частью, которая адресована имеющим опыт самопознания, все просто. Достаточно быть искренним. По-настоящему искренним.

Что касается учебника для начинающих, то тут сложностей гораздо больше. Разговор о самопознании на примере такой узкой темы, как Субъективная психология, вообще не прост. Во-первых, потому, что к нашему времени сложилась вполне определенная культура познания и обучения вообще. И это не просто культура преподавания. Это необходимость учитывать ту

культуру восприятия, которая свойственна современному человеку. Вкратце эту культуру можно назвать научной. Современный человек готов обучаться только тому, что обещает принести ему плоды образования, и связывает эти свои ожидания с наукой. Следовательно, моя книга должна быть наукообразной в лучшем смысле этого слова.

Однако, и это во-вторых, она должна быть прикладной, хотя бы потому, что моя цель — не создание науки. А вот прикладной характер может оказаться сильной помехой научности. Странно? Попробую объяснить на примере психологии.

12 лет с 1991 года я преподавал этнопсихологию в Училище русской народной культуры. Мой учебный курс начинался с вопроса как работать, с инструментов и орудий психологического исследования. И лишь потом говорил о том, с чем работать, что за материал мы изучаем и как он устроен. Говоря на научном языке, он начинался с практики и лишь потом давал теорию.

Вообще-то такой подход выглядит методологически поставленным с ног на голову. Принято начинать как раз с описания материала. И как, не изучив его, переходить к прикладной работе?

Тем не менее, именно второй подход — сначала теория, потом практика, — который, кстати, свойственен академической психологии, и является принципиально неверным с точки зрения прикладника. А ведь все знают, что прикладной психолог сначала долго изучает общую психологию, а уж потом, если у него хватило сил остаться психологом, начинает переспециализацию на какой-то вид прикладной психологии.

Попробую доказать свою точку зрения. Почему, на мой взгляд, академический подход не верен? Во-первых, потому, что в итоге мы так и не имеем никаких действительно работающих прикладных психологий, выросших из академической. Это, так сказать, бытовой ответ от лица потребителя. Тысячи и тысячи людей изучают психологию, а пойти посоветоваться не к кому. А если и есть кто-то, кто говорит: приходите, я вам помогу, так тот или шарлатан или же работает не в ключе академической психологии.

Далее. Более серьезное сомнение в академическом подходе. По большому счету, если действительно обсуждать методологию прикладной работы, я совершенно согласен с тем, что прежде, чем что-то делать с материалом, его сначала надо изучить. Но

вот то же самое отсутствие прикладных психологов, выросших из академической психологии, заставляет меня задаться вопросом: а является ли предмет академической психологии тем же самым, что и предмет психологии прикладной?

Иначе говоря, возможна ли вообще хоть какая-то прикладная работа, в которой нуждаются люди, на основе того материала, который изучает академическая психология? Я профессиональный психолог и поэтому, конечно же, слежу за всем новым в психологии. Естественно, я знаю, что в рамках академической психологии за последние годы немало сделано и в прикладном направлении. Иначе говоря, я вполне осознанно сгустил краски. Но это не случайно. И не ради красного словца.

Когда читаешь прикладные исследования академических исследователей, то ощущаешь, что простой человек их не поймет. Эта наука, как и полагается академической, делается для ученых. И это первое сомнение. Второе сомнение вызывает отсутствие серьезных методологических и мировоззренческих обоснований прикладных исследований в рамках академической психологии.

Психологи, авторы статей о прикладной психологии, как бы урезают себя и стараются вообще не говорить о методологии и истоках их методов. А если же вдруг кто-то и делает такое суждение, то оно или слабо и притянуто к академическим основаниям, или, что важно, начинается с критики этого основания.

Иными словами, на мой взгляд, — а я могу ошибаться и выдавать желаемое мне за действительность, — сами прикладные психологи, выросшие в рамках академической психологии, ощущают, что между этими двумя направлениями назрел разрыв и необходимо создание полноценной теоретической базы, обосновывающей работу прикладного психолога. И если эта база родится, она будет отличаться от того, что я условно называю академической психологией.

Я могу сказать о том, как мне видится это расхождение. То, что я называю академической психологией, — а этим выражением я пытаюсь передать тот образ психологии, который имеют в своих умах не профессионалы от психологии, не ученые психологии, а простые люди, интересующиеся психологией, — так вот, то, что я называю академической психологией, через нейропсихологию и физиопсихологию вполне может стать общетеоретическим ос-

нованием для физиологических и медицинских исследований. То есть исследований, которые могут вести только профессионалы с помощью приборов.

Прикладная же психология — это то, что на деле оказывается бытовой мудростью. Это то, что позволяет людям без академического психообразования быть прекрасными хозяйственниками, руководителями, политиками или семьянинами и не нуждаться ни в каких приборах.

И если исходить из такого подхода, то у Академической психологии, как ее понимает простой человек, есть прекрасно разработанный **предмет** науки, который, к сожалению, пока никому, кроме самих ученых, ничего не дает.

У прикладной же психологии есть набор приемов, и до сих пор еще не существует настоящего описания предмета. Если бы я создавал науку, я доказал бы это методологически и по всем требованиям науковедения. Но у меня другая задача, и поэтому я докажу это проще. Если вы знакомы с психологическим консультированием или любыми другими направлениями прикладной психологии, вспомните, какими книгами пользуется прикладной психолог. Да просто загляните в список литературы какого-нибудь прикладного исследования, и вы найдете там все, что угодно, кроме общей психологии. А если там и есть ссылки, которые считаются академическими, так только затем, чтобы придать вес своему исследованию.

Лично от себя скажу, я начинал обучение прикладников, давая им в самом начале инструменты для работы. И делал это затем, чтобы, начав исследование, они сами этими инструментами создали описания той материи, которую исследуют. Назовем ее сознанием. Как увидеть свой предмет, как его понять, если его нечем, условно говоря, «пощупать». И пощупать так же просто и верно, как мы шупаем руками. Почему руками? А потому что именно для управления руками у нас существуют наиболее утонченные и разнообразные образы сознания. Так что инструменты прикладника обязательно должны опираться на эти «ручные» ощущения.

А вот когда они, так сказать, пощупают сознание собственными руками, им можно о нем рассказывать, показывать свойства и устройство и вообще давать теорию. Тогда они начинают тебя понимать и учиться, а не запоминать и сдавать экзамены. И тогда

у них идет резкий скачок в качестве прикладной работы. Это мой опыт, и я не могу его не учитывать.

Весь этот пример я привел, чтобы показать всю сложность создания учебника для начинающих. Несмотря на жесткое требование выглядеть научнообразным, он должен в действительности быть написан в противоречии с требованиями современного наукоучения. Сложная задача.

Я обошел ее так. Я все же решил в этой книге дать пощупать материю сознания, хотя и не так, как на семинарах. На деле мои очерки Субъективной психологии будут похожи на статьи из Хрестоматии, так много в них выдержек из источников. Именно эти выдержки, насколько они отражают живую мысль пишущего, и есть материя сознания. Сознания очень разного, но живого и доступного живому наблюдателю даже сквозь века. По крайней мере, я очень старался брать только те куски текстов, где сознание авторов было живым, а значит, осязаемым. И я надеюсь, что мне удалось подобрать удачные примеры и высветить в них то, что сделает чтение моей книги своего рода непосредственным исследованием сознания.

Итак, подводя итоги, я могу сказать, что задачи, которые я ставлю перед этой книгой, достаточно просты:

во-первых, это мое собственное самопознание, которое произвольно происходит во время любой исповеди;

во-вторых, это создание учебника или учебного курса самопознания для начинающих, чтобы они тоже стали опытными и помогли мне;

в-третьих, я хотел бы найти людей, готовых помочь мне в моих исследованиях;

ну и, в-четвертых, это рассказ о прекрасных исследователях, философах от психологии, чьи научные подвиги были недооценены и незаслуженно забыты. Все-таки я пишу исторические очерки, а истории свойственно расставлять все по своим местам, в том числе и оценки.

Поэтому начнем с истории. Но с особого ее раздела — с истории Науки. Вначале я позволил себе немало нападок на это святое существо. Было бы несправедливо оставить вас лишь с моим мнением. Поэтому первый прикладной курс, который я хочу

дать, — это вхождение в сознание члена научного сообщества, ученого. Естественно, я делаю это не для войны с Наукой и не для критики ради критики.

Я хочу познать себя и как ученого и помочь в этом своим собратьям по науке. Поэтому я выбираю тех ученых и ту науку, которые ближе всего к самопознанию. Это так называемая Субъективная психология или психология самонаблюдения. У людей, создававших ее, порыв к истине был гораздо сильнее, чем у большинства других ученых, поэтому общение с ними будет очень полезным.

И тем не менее, я должен оговориться еще раз. Для меня такой подход к самопознанию не случаен. Я постоянно ощущаю, что меня затягивает в наукообразность, и это делает меня ученым, но отделяет от самопознания. Соблазн Науки очень велик! Этот сотворенный кумир искушает и обещает блага и кары. Да и почему бы не сдаться и не создать еще одну науку — Науку самопознания? Сколько пользы принесла бы она человечеству!

Этот вопрос обязательно надо поставить и решить прежде, чем приступать к исследованию. От цели зависит все, потому что от нее зависит направление движения. Если я, говоря о самопознании, поставлю себе скрытой целью создать Науку самопознания, я и создам Науку самопознания, но не достигну себя.

Поэтому я предвещаю основное содержание книги еще одним исследованием.

Глава 3. Искушение наукой

Начну с вопроса: возможна ли наука самопознания? Конечно, возможна. Можно состряпать любую науку. Вопрос в другом: нужна ли такая наука? Нужна ли она тем, кто занимается самопознанием? Может ли она быть им полезной?

Ответ, как кажется, очевиден: конечно, если будет наука самопознания, самопознанием заниматься будет легче. А почему в таком случае в мире нет ни науки, ни психологии или философии самопознания? Почему есть самопознание и множество людей, познающих себя, но нет такой науки?

в голове у него полный идеализм. Но ведь это не ученый, это технолог, техник, исполнитель, не способный думать. А если задуматься, как полагается настоящему ученому? Если хотя бы задаться вопросом о возможности того, что природа едина и между идеализмом и материализмом не политическая война или классовые различия, а целая лестница все утончающихся ступеней духовного единства. И человек, его душа и сознание одна из этих ступеней, соединяющих Дух и Материю в единый Мир...

Итак, что касается «психических действий над психическими фактами», *«мы видели, что они не только совершаются в душе, но принимают также деятельное участие в реальных предметах и явлениях, выражаются в них, приурочиваются к ним, приводят их в тысячи новых сочетаний. Это более или менее заметно на всех созданиях человеческих рук — этой второй природе, воздвигаемой человеком над той, которая живет помимо его действия и вмешательства, а также и на тех изменениях, которым подвергается человеческое тело под влиянием психической жизни.*

В обоих случаях мысль, чувства, деятельность человека обнаруживаются и становятся доступными для внешних чувств. Только благодаря такому обнаружению психической жизни во внешних предметах и явлениях становится возможным, наряду со знанием природы, и положительное знание духовной стороны человека. Только на основании внешних проявлений психической жизни мы можем говорить о праве, об искусстве, о философии, о науке, о религии, о политике, об истории и так далее.

Будь мы ограничены одним самонаблюдением, мы бы ничего не знали о психическом мире, кроме тех его явлений, которые происходят в нашей душе и открываются нашему сознанию; но человек рано стал замечать обнаружение души, внешние следы ее жизни и деятельности; над ними ему пришлось точно так же упорно и долго работать, прежде чем они могли послужить прочным основанием науки.

Подобно внешним впечатлениям материального мира, и их пришлось сперва установить и определить точным образом в их объективной действительности, очистить от посторонних примесей, от произвольных толкований, от искажений времени, от умышленных и неумышленных ошибок тех, которые их передавали или толковали.

Как в науках о природе большое и видное место занимают способы точного наблюдения предметов и явлений, точно так же и в науках о человеке критика источников, то есть психических следов во внешних предметах и явлениях, играет первостепенную роль и составляет основание, без которого наука о духовной стороне человека невозможна.

Из сказанного видно, что психические факты совсем не так шатки и недоступны для положительного изучения, как многие думают, и что так называемые положительные, точные науки не имеют в этом отношении никакого преимущества перед науками о психической стороне человека» (Там же, с. 402–403).

Далее начинается собственно культурно-историческая психология Кавелина. Я не хочу ее пересказывать, тем более, что я писал о ней в другой книге. Смысл ее сводится к тому, что мы можем изучать душу человека по тем вещам и явлениям, которые можно назвать творениями человеческого духа. Иначе говоря, изучая культуру разных народов в разные времена, мы изучаем не что иное, как психологию народов, а через нее и психологию вообще. Заметьте, идея Психологии народов заявлена Вундтом всего за несколько лет до этого, но на деле до нее еще тридцать лет!

Все сказанное о Константине Дмитриевиче Кавелине чрезвычайно важно для русской психологической науки. По большому счету именно он был ее создателем, и когда-нибудь блудное дитя отдаст дань уважения своему отцу. Однако лично меня гораздо больше занимает еще одно прозрение Кавелина, которое, пожалуй, адресовано не психологам, хотя оно, в философском смысле, является оправданием психологии:

«Эпохи, подобные теперешней, не раз уже бывали в истории и каждый раз обращали мысль на внутренний, психический мир. Оно и понятно. Из этого мира вытекают, расходясь в разные стороны, и положительное знание с его методом, и неотразимые требования индивидуального начала и нравственной личности. Без психической жизни нет науки, нет и личности.

Знание возникает из человека, в нем и для него существует. Внешний мир и его явления, пройдя через психическую среду, получают для нас другой вид, и только в этом виде делаются нашим

достоянием. *Итак, если из нас выходят два различные направления, то в нас же должна заключаться и причина их различия, которая может быть разъяснена только изучением нас самих, нашей психической жизни. Оттого, что мы ее плохо знаем и представляем себе иначе, чем она есть в действительности, разошлись так далеко современные воззрения с требованиями и условиями нравственной личности.*

Уже Сократ искал истины в духе, в самосознании. Позднее стоики видели в духе точку опоры против печальнейшей действительности. Они как будто предчувствовали искупление и обновление мира, которое совершилось учением о тщете сокровищ сердца.

В XVII-м веке, когда выжившая из ума схоластика завела ум в омут нелепостей, выход был найден психологическими исследованиями Локка. В XVIII-м веке видим то же самое: критическими исследованиями психических процессов Кант вывел на новую дорогу мысль, запутавшуюся в философской догматике.

Так, сбившись с пути и потеряв руководящую нить, человек всегда обращался к самому себе и в изучении психической жизни искал разгадки задач, по-видимому неразрешимых, которые тревожили его ум и совесть и делали дальнейшее развитие невозможным. Теперь, когда мысль снова попала в какой-то заколдованный круг, из которого как будто нет выхода, вывести из него на свет божий может опять-таки только психология» (Там же, с. 388).

Глава 6. Душа, ошибаяся миром. Лев Лопатин

Русское общество рубежа XIX и XX веков было расколото по линии науки на два военных лагеря. С одной стороны были революционеры, они же интеллигенты-демократы, материалисты и естествоиспытатели, с другой всяческий идеалистический и философствующий научный сброд. Посередине стояла власть, а вокруг колыхалось народное море. Сброд был мягкотел и нерешителен и умел только мыслить и сострадать. Революционеры были преследуемы властями, озлоблены и презирали тех, у кого не хватало решимости проливать кровь. Хотя бы лягушачью или собачью...

Но если язык легко и естественно принимает такое выражение: *русское общество было расколото по линии науки*, — то, как психолог, я вынужден задать вопрос: ощущали ли русские люди эту линию раздела? И определенно отвечаю: конечно, и очень отчетливо! Тогда где могла лежать эта линия? Где и чем люди ощущают подобные водоразделы?

Первый и очень очевидный ответ, который приходит, — эта линия лежала в умах. Но это только первый ответ, потому что мы с вами точно знаем, что многие русские люди умом принимали и необходимость что-то менять в обществе, и даже принимали революцию, но не смогли принять ее на деле, были объявлены врагами и уничтожены. Что помешало им принять и на деле то, что они приняли умом? Ответ очевиден, хотя и не научен, — душа! И линия, разделявшая Россию, пролегла в душах русских людей. Даже если эта «душа» есть часть ума, то что за часть ума может называться душой?

Вот это вопрос! Как такое исследовать и как это можно доказать?! Даже не представляю. Уже хотя бы потому, что ни в психологии нет определения понятия «души», ни я сам его не дал. Но я бы предпочел заниматься исследованием как раз души. А для этого надо сделать ее описание. Или, точнее, описание того понятия «души», которое живет в нашем мышлении. Вот этому и послужит разговор о русском идеалисте Льве Лопатине и о том, что ему противостояло. А противостояла ему Большая Идея, она же Мечта другого научного лагеря.

Так вот, что меня захватывает и пугает одновременно, так это то, что война между учеными, шедшая в России накануне революции, была *войной душ*. Или войной между душами. А как еще можно понять выражение: линия разлома, пролегла в душах русских людей? Не значит же это, что просто разломилась душа. Означает это, что одни люди всей душой приняли одну сторону, а другие всей душой — противоположную. Революция, безусловно, была душевным выбором русской интеллигенции.

И значит, если даже стреляли и убивали тела, двигали ими души и охотились тоже за душами. Но как такое вообще возможно, чтобы души воевали? Я спрашиваю не как моралист, я спрашиваю это как психолог. Иными словами, я хочу знать, что же такое та «душа», которая может быть противоположна другой

«душе». И что именно может быть и должно быть сделано, чтобы одна душа обрела направление, противоположное другой душе?

Это еще один из тех вопросов, которые я не надеюсь решить в этом исследовании, но буду доволен уже тем, что их поставил.

Итак, **Лев Михайлович Лопатин** (1855–1920).

Как вы помните, русская интеллигенция рождалась как класс или сообщество людей, занимающихся естественнонаучным трудом. Однако, по мере того, как само понятие «интеллигентности» прививается и становится престижным, сообщество это расширяется. И в него все больше начинает входить людей аристократических или желающих выглядеть аристократами духа.

Благодаря этому идет постепенная смена значения понятия, и в двадцатом веке слово «интеллигентность» уже всюю используется для обозначения осужденного революцией аристократизма в поведении человека. Я думаю, начиналось это именно с таких людей, как Лев Лопатин. Вот послушайте, как он воспринимался в свое время лучшими людьми тогдашней России.

Философ Эрнест Радлов как-то сказал: *«Простая и бесхитростная душа Лопатина»*. (Цит. по: Борисова, с. 14). Владимир Соловьев называл его *«Левушка, Левон, Тигр, Евфрат, Дракон Михайлович, а Лопатин считал, что душа “у Володи Соловьева” сделана из драгоценного камня»* (Там же, с. 12).

Какие все странные слова! Как писал один из современников: *«Как личность, Лев Михайлович представлялся человеком исключительного обаяния, которое невольно чувствовалось всеми. Основной чертой его духовного склада является безграничное благоволение ко всему живому. Полное любви, благожелательности и снисхождения созерцание бытия — вот основное, наиболее характерное для Льва Михайловича состояние его духа... Философия Лопатина немислима без живого, полного любви и участия общения с людьми»* (Там же, с. 17).

Или вот еще у Евгения Трубецкого: *«Иногда же вечер кончался страшными рассказами Льва Михайловича Лопатина, на которые он был великий мастер»* (Там же, с. 457). Об этих его рассказах М. К. Морозова писала: *«Кроме самих рассказов, привлекала всегда удивительная русская речь Л. М. и игра его выразительных глаз при передаче всех “ужасов”. Ужасы всегда заключались в явлениях души умершего, причем душа всегда являлась в самой будничной домашней обстановке, являлась она близким и родным и говорила*

крикливым, резким, пронзительным голосом» (Морозова М. К. Мои воспоминания...// Цит. по: Борисова. Примечания, с. 544).

Я привел эти свидетельства, может быть, и недостаточные по объему, но яркие и почему-то для меня вполне убедительные, чтобы заявить одну странную даже для меня самую вещь: у Льва Лопатина была душа...

Просто душа, без всяких степеней и качеств. Этаким исходный или самый обычный уровень того, что мы обычно считаем Душой. Чистейшее воплощение русского понимания истинного христианского духа в противовес тем, кто своим бездушием превращал в это время Россию в ад. И она-то и была причиной всех бед, которые выпали на его долю в этой земной жизни.

Как вы понимаете, заявив это, я тем самым делаю возможным вопрос: а что такое бездушность? Иначе говоря, что есть у тех, про кого мы говорим: это были люди без души. А мы определенно говорим это про многих революционных деятелей.

Если быть последовательным, то надо сразу оговориться: все разговоры про душевность Лопатина есть лишь признак того, каким русское общество хотело видеть своих членов. Иначе говоря, Душа Льва Лопатина была точно таким же воплощением его Мечты, как и Души тех, кто ему противопоставлялся. Однако, тут наше мышление играет с нами странную штуку. В некоторых случаях мы сразу видим, что с душой человека что-то неладно. А в других, когда человек ведет себя «правильно», то есть так, как ожидается, мы перестаем воспринимать наличие у него души.

Это дает возможность понять, что одно из понятий души является воплощением в нашем общественном мышлении ожидания от человека определенного способа поведения, в первую очередь, связанного с непричинением боли другим живым существам, то есть всему, что имеет душу. Если человек ведет себя так, значит, он душевный человек, то есть у него есть душа. Лопатин определенно был душевным человеком, а приведенных мною свидетельствах определенно присутствует нечто, что позволяет ощутить, что весь мирок, окружавший Лопатина, был наполнен атмосферой душевности.

Но означает ли такая «невидимая» благодаря общественным ожиданиям душа отсутствие Образа, который предписывал ей как действовать? И означало ли это, что эта душа не действовала? И тем более, никому не мешала?

Лопатин был из числа тех русских людей, на чью душу охотились горние стрелки, люди из враждебного лагеря, называвшие себя интеллигентами, те самые революционные демократы, естествоиспытатели, положительные и объективные ученые, которых я уже упоминал раньше. Охотники за душами и охотники до крови. Конечно, у них тоже были души, пусть черные или горящие. Но поскольку они определенно заявляли, что понятие «души» ложно и никаких душ не существует, можно считать, что они не только отрекались от собственной души, но и вычищали свой мир от этого сорняка.

Пусть они не доходили до убийств, но боли душам других людей доставили немало даже до революции. Впрочем, что значит, не доходили до убийств, когда именно они были творцами революций?! Но сейчас мне важнее другое. Если горние стрелки говорили, что душ нет, значит, они охотились не прямо за душами. А что же такое они видели в таком случае? Что-то же они видели в том же Левоне Тигрыче, Драконе Михалыче Лопатине, что вызывало у них охотничий рефлекс?

Ну, а насчет кровожадности интеллигентов — почитайте их самих, если вам кажется, что я сгущаю краски, рисуя кровожадность революционеров, почитайте Ленина. Это нам очень поможет понять и душу Лопатина. Ленин тем хорош, что он, с одной стороны, прекрасно эрудирован, а с другой, так страстен, так увлечен какой-то идеей, что, подобно ребенку, совсем не может сдерживаться и говорит то, что думает. А что он думает? Что мы вообще можем думать?

Вспомните фразу из анекдота: *У меня есть мысль и я ее думаю...* Мы можем думать только мысли. Или думы. Но что это такое? Это некие образы или действия с образами, их сочетание, создание новых образов. Иными словами, в самом обобщенном виде можно сказать, что думаем мы образы.

А значит, когда я говорю, что Ленин что думает, то и говорит, я предполагаю, что Ленин рассказывает те образы, которые живут в его сознании. Причем, не какие-то поверхностные фальшивки, созданные для других людей, а именно те глубинные образы, которые движут им самим. И которые, в сущности, имеют отношение к его самым большим жизненным целям. То есть правят всей его жизнью. Я бы даже позволил себе сказать, что они-то, эти образы, а точнее, Образ, и есть главная жизненная Цель

Ленина, его Мечта, потому что он его и воплощал всю жизнь. Что это за образ?

Смею предположить, что вы его уже видели. Этот тот самый образ новой естественнонаучной Космогонии, который вы читали у Вундта. Иначе говоря, это образ Нового Космоса, творцы которого оказывались его Богами. Почитайте самое начало ленинского «Материализма и эмпириокритицизма», почитайте его борьбу с Беркли и прочей «идеалистической сворой», и вы почувствуете огонь ярости, вы почувствуете неземное возмущение, точно он бьется не просто против ошибок в чьих-то рассуждениях... Ну не во всем был точен Беркли, но ведь и Маркс кое в чем ошибался...

Что же огня-то так много, что же молнии и каменные глыбы заполняют пространство?! Чем же увлекаются тут народные массы? И как вообще могли увлекаться массы? Если они видели именно то, что написано, а не то, что видел, точнее, прозревал сам Ленин за строчками собственных сочинений?

Вистории этого мира были события, которые потом многократно повторялись, точно множились в коридоре из зеркал. Повторялись людьми, как нам кажется, но кто такие люди? Кто скрывается под этой оболочкой, способной быть одержимой как моим собственным, так и любым другим Духом?

Среди этих повторяющихся до сих пор, а значит, и до сих пор продолжающихся событий, была БИТВА. Битва Богов. Почти все Большие войны людей есть ее продолжение. Она называлась Титаномахией. Титаны — свергнутые старые Боги, когда-то правившие миром, восстали против захвативших Олимп племянников — восстали и сражались за возвращение в этот мир, и как считают мифы, проиграли и были свергнуты в Тартар...

Тартар — это ад. Это не Аид, место обитания душ, это глубже Аида и гораздо дальше от Олимпа. Но что такое Олимп? Это Небеса Платона. Это самое божественное место, как мы его себе представляем. А значит, самое идеалистическое и... нематериальное. Тартар же — это полюс материальности, противоположный Небесам и тому, что мы привыкли понимать под Духом.

История человечества имеет различные эпохи. Некоторые из них, как средневековье, принято считать «темными веками». Другие же, как Новое время, — веком света и разума. Но я ощущаю, что за этой сменой эпох есть какая-то космическая

хитрость. Мне кажется, что иногда сочетание космических сил становится таким, что на отдельных планетах, или в отдельных солнечных системах, или даже во всей Вселенной возникают *зеркала*. Я не знаю, что это такое, эти космические зеркала, возможно, они есть всего лишь особое состояние человеческого сознания, вызванное изменением какого-нибудь космического излучения. Но очевидно одно — в такое время в человеческом сознании снова отражается та древняя Битва. И отражается в виде Образа, который поражает человеческое сознание и заставляет себя воплощать.

Собственно говоря, сознание наше такая среда, которая ничего другого, кроме образов, и не может в себе содержать. *Способов принятия образов у сознания только два — это впечатление и поражение. Впечатление*, как ясно видно в этом русском слове, сходно с впечатыванием. С тем самым впечатыванием в вошеную табличку, о котором говорил Сократ. Это естественный и здоровый способ обретения образов. Он рождает легкую или светлую память.

Второй же способ — **поражение**, — и это тоже видно в самом слове, — происходит от слова разить, то есть наносить рану. Это болезненный способ обретения образов. Люди почему-то очень ценят состояние пораженности образами. Наверное потому, что это вызывает восхищение у других людей, не имеющих силы на борьбу такого масштаба. Но состояние сознания, пораженного каким-то образом, есть болезнь или боль. Что делает живое существо, ощутив боль? Оно пытается от нее избавиться. И как же избавиться от поразившего тебя образа? Способ давно известен: воплотить его.

Вот я, к примеру, прямо сейчас пытаюсь вылечиться от болезни самопознания...А книга моя будет нужна и полезна многим потому, что у них то же самое заболевание.

Разновидностью поражения является **одержание** или **одержимость**, когда в сознание живого существа вторгается не просто образ, а Образ действия или Дух. Естественно, потребность избавиться от этого вида поражения так же сильна. Но такой образ нельзя воплотить. Он уже воплотился в тебя, в твою плоть. И заставляет тебя действовать. Это похоже на сумасшествие. Что делать?

Или подчиниться, или сопротивляться. Но представьте себе жизнь человека, сопротивляющегося какому-то Образу действия. Образ действия понуждает его что-то сделать. Осознав это понуждение как чужеродное, противоречащее моим собственным желаниям, убеждениям, намерениям, я останавливаю начавшееся действие и собираюсь сделать что-то свое. Но образ действия снова вмешивается и понуждает меня. Я опять останавливаю свое тело, начавшее двигаться или говорить...И так до бесконечности. Это можно считать жизнью? А если все это еще и сопровождается по каким-то причинам болью?

Остается только подчиниться и постараться преодолеть кризис как можно быстрее. Иначе говоря, однажды к тебе приходит мысль, что если ты сдашься и сделаешь то, что требует от тебя этот Образ или Дух, то он исчерпается и оставит тебя в покое... Если я правильно понимаю, Владимиру Ильичу не повезло. Добившись своего, Дух разрушил его тело и ум настолько, что конец Ленина был печален...

Но до этого еще полтора десятка лет. А пока поразивший Володю Ульянова образ Титаномахии, образ бури, вызванной выплеском, прорывом из Тартара струи материализма, еще бушует во всей своей яростной красоте. Мы наш, мы новый Мир построим...Я покажу лишь крошечный осколок этого образа, но мифы редко доходят до нас целиком!

Вспомните, как Ленин, с картавой неистовостью рубя воображаемых врагов напряженной ладошкой, выкрикивает:

«Буря, которую вызвали во всех цивилизованных странах “Мировые загадки” Э. Геккеля, замечательно рельефно обнаружила партийность философии в современном обществе, с одной стороны, и настоящее общественное значение борьбы материализма с идеализмом и агностицизмом, с другой. Сотни тысяч экземпляров книги, переведенной тотчас же на все языки, выходившей в специально дешевых изданиях, показали воочию, что книга эта “пошла в народ”, что имеются массы читателей, которых сразу привлек на свою сторону Э. Геккель. Популярная книжечка сделалась орудием классовой борьбы. Профессора философии и теологии всех стран света принялись на тысячи ладов разносить и уничтожать Геккеля. Знаменитый английский физик Лодж пустился защищать бога от Геккеля. Русский физик, г. Хвольсон, отправился в Германию, что-

бы издать там подлую черносотенную брошюрку против Геккеля и заверить почтеннейших господ филистеров в том, что не все естествознание стоит теперь на точке зрения “наивного реализма”. Нет числа тем теологам, которые ополчились на Геккеля. Нет такой бешеной брани, которой бы не осыпали его казенные профессора философии.

Весело смотреть, как у этих высохших на мертвой схоластике мумий — может быть, первый раз в жизни — загораются глаза и розовеют щеки от тех пощечин, которых надавал им Эрнст Геккель. Жрецы чистой науки и самой отвлеченной, казалось бы, теории прямо стонут от бешенства, и во всем этом реве философских зубров (идеалиста Паульсена, имманента Ремке, кантианца Адикеса и прочих, их же имена ты, господи, веси) явственно слышен один основной мотив: против “**метафизики**” естествознания, против “догматизма”, против “преувеличения и ценности естествознания”, против “естественно-исторического **материализма**”. Он — материалист, ату его, ату материалиста, он обманывает публику, не называя себя прямо материалистом — вот что в особенности доводит почтеннейших господ профессоров до неистовства» (Ленин, т. 14, с. 334–335).

Как вы видите, в 1908 году, когда был написан Лениным “Материализм и эмпириокритицизм”, вопрос идет еще только о захвате научного Олимпа. До борьбы за всю планету еще десять лет.

Почему я предпослал этот образ рассказу о русском профессоре философии Льве Лопатине? Потому что, я надеюсь, вы заметили упоминание какой-то «метафизики», в которой упрекали естествознание его противники. Лопатин, в сущности, был метафизиком и идеалистом, и для многих это звучит как приговор. Иначе говоря, когда в России уничтожали таких, как Лопатин, многие смогли это принять, оправдать и поэтому промолчать. Все-таки это крайняя глупость, оставаться идеалистом и метафизиком в наше время!

Но только представьте себе, было время, когда сам Материализм обвинили в метафизичности! Вот откуда яростное возмущение Ленина. Он сам рассказывает об этом в предисловии к первому изданию «Материализма и эмпириокритицизма»:

«Целый ряд писателей, желающих быть марксистами, предприняли у нас в текущем году настоящий поход против философии марксизма. <...>

Энгельсовская диалектика есть “мистика”, — говорит Берман».

О чем это он? О внезапной измене и ударе в спину неверного брата Марксизма знакомого нам Позитивизма, прикрывающегося в этом случае третьим братцем-титаном — Эмпириокритицизмом Маха. Братишки были вздорными и, как французские принцы, всегда охочи всадить ножичек или подсыпать яду. Как говорится, Париж стоит и мессы, и родства...

«Материалисты, говорят нам, признают нечто невысказанное и непознаваемое — “вещи в себе”, материю “вне опыта”, вне нашего познания. Они впадают в настоящий мистицизм, допуская нечто потустороннее, за пределами “опыта” и познания стоящее. Толкуя, будто материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущения, материалисты берут за основу “неизвестное”, ничто, ибо-де сами же они единственным источником познания объявляют наши чувства. Материалисты впадают в “кантианство” <...>, они “удворяют” мир, проповедают “дуализм”, ибо за явлениями у них есть еще вещь в себе, за непосредственными данными чувств — нечто другое, какой-то фетиш, “идол”, абсолют, источник “метафизики”, двойник религии (“святая материя”, как говорит Базаров)» (Там же, с. 11).

Честно говоря, я даже не очень понимаю, о чем базар, извините... Этой шуткой я хочу сказать, что это один из многих философских споров, задачей которого должна была быть бóльшая ясность в понимании того, как устроен мир. И сегодня этот спор уже настолько устарел, что большинству современных людей просто непонятен. Сегодня спорят о другом. Но почему тогда из-за него пролилось столько крови и столько душ было загублено?!

Присмотритесь, это вовсе не философский спор. Когда я читаю эти строчки Ленина, во мне просыпается психолог. О материализме ли спор? Нет, тут идет спор не о материализме и не об истине. Тут спор между Материализмом и Идеализмом. Между Титанами и Богами. И в этом споре нет задачи найти истину, а есть лишь задача победить. Любыми средствами. И если для этого нужно обмануть «массы», их нужно обмануть. Как это и было в Октябрьскую революцию. В борьбе за престол все средства хороши, в том числе и материализм и идеализм.